MASTER NEGATIVE NO. 91-80016-28

AUTHOR:

POLIEVKTOV, MIKHAIL

TITLE:

ARKHIVNYE DANNYE O SMERTI NA KAVKAZE...

PLACE:

TIFLIS, USSR

DATE:

1925

Master Negative #
91-80016-28

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
PRESERVATION DEPARTMENT

BIBLIOGRAPHIC MICROFORM TARGET

Original Material as Filmed - Existing Bibliographic Record

947.06
Z
v.1

Polievktov, Mikhail Aleksandrovich, ~~1872-1942.~~
Arkhivnye dannye o smerti na Kavkaze akademika Samuila-Gotliba-Georga Gmelina (mladshego) [Information in the archives about the death in the Caucasus of Academician S. G. G. Gmelin.]
Tiflis, 1925.
p.[133]-156 ; 27 cm.

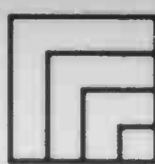
Caption title.
Reprint from: "Izvestiia kavkazskago istoriko-arkheologicheskogo instituta", 1925, Vol. 3.

VOLUME OF PAMPHLETS
347147

Restrictions on Use:

TECHNICAL MICROFORM DATA

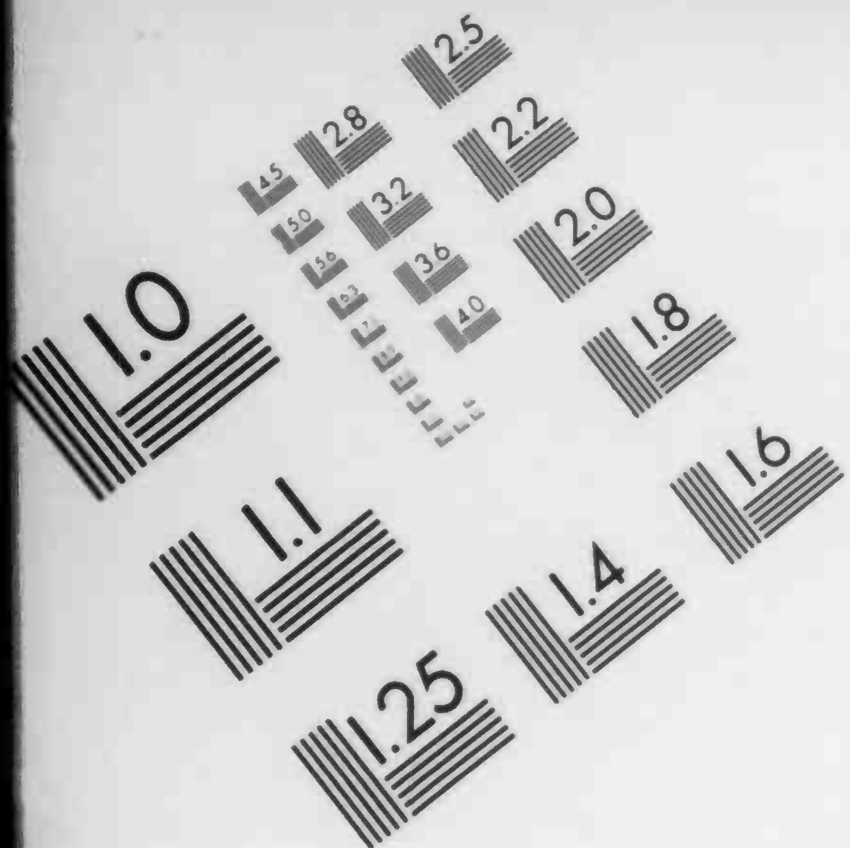
FILM SIZE: 35mm REDUCTION RATIO: 11x
IMAGE PLACEMENT: IA (IIA) IB IIB
DATE FILMED: 4/26/91 INITIALS F.C.
FILMED BY: RESEARCH PUBLICATIONS, INC WOODBRIDGE, CT

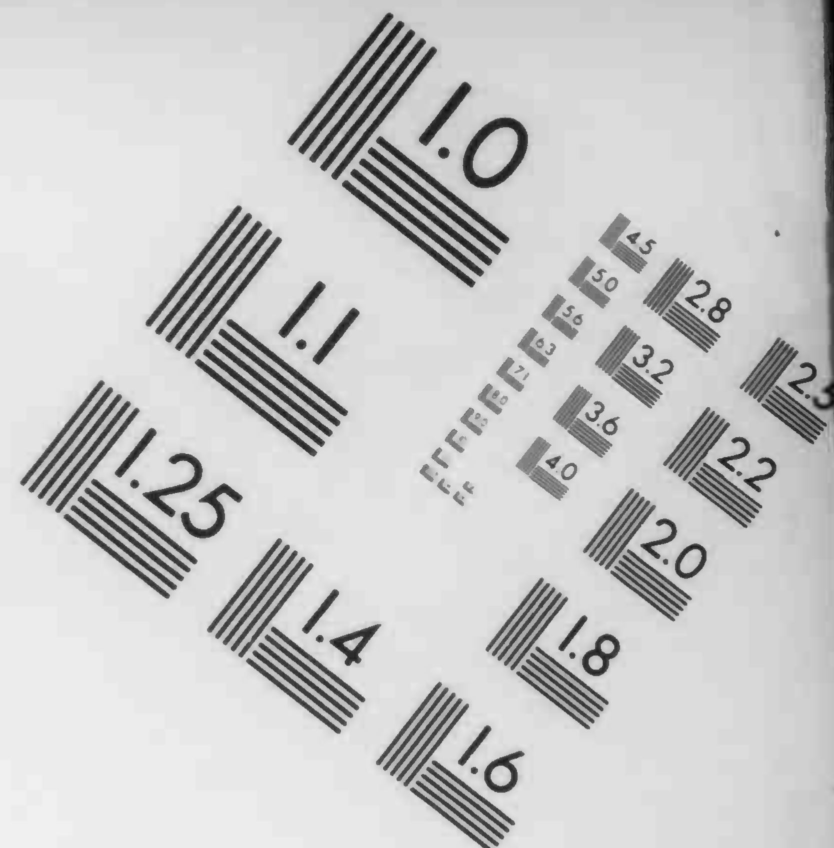

AIIM

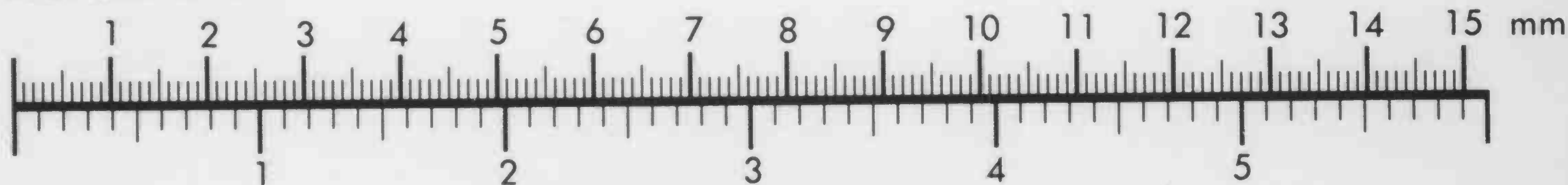
Association for Information and Image Management

1100 Wayne Avenue, Suite 1100
Silver Spring, Maryland 20910
301/587-8202

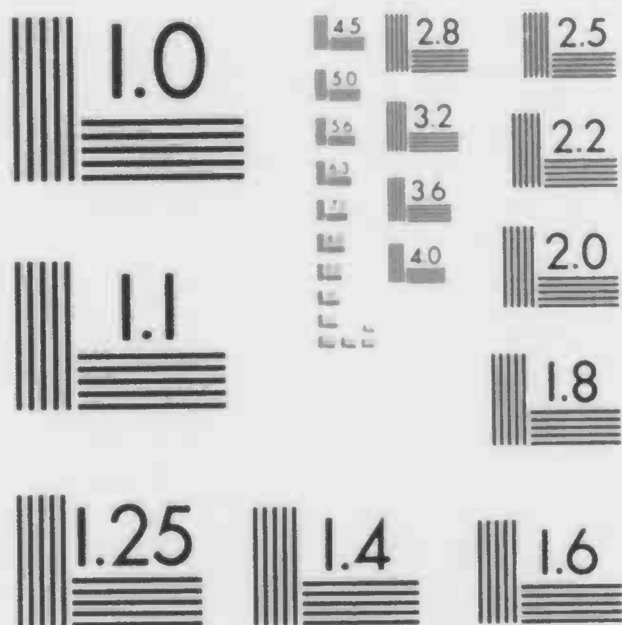

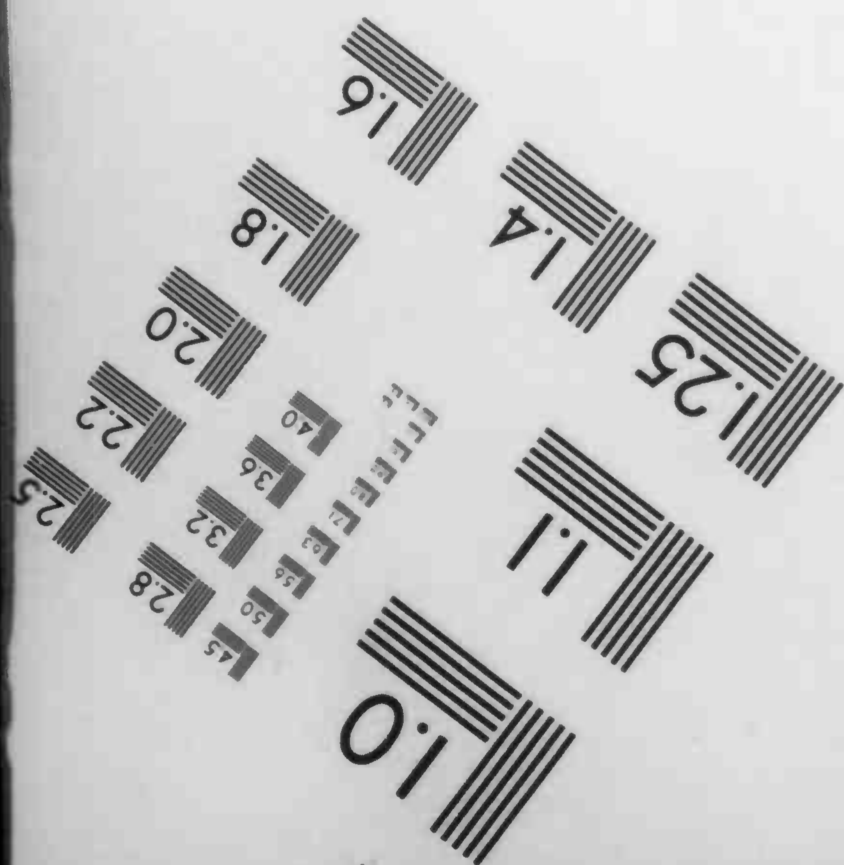

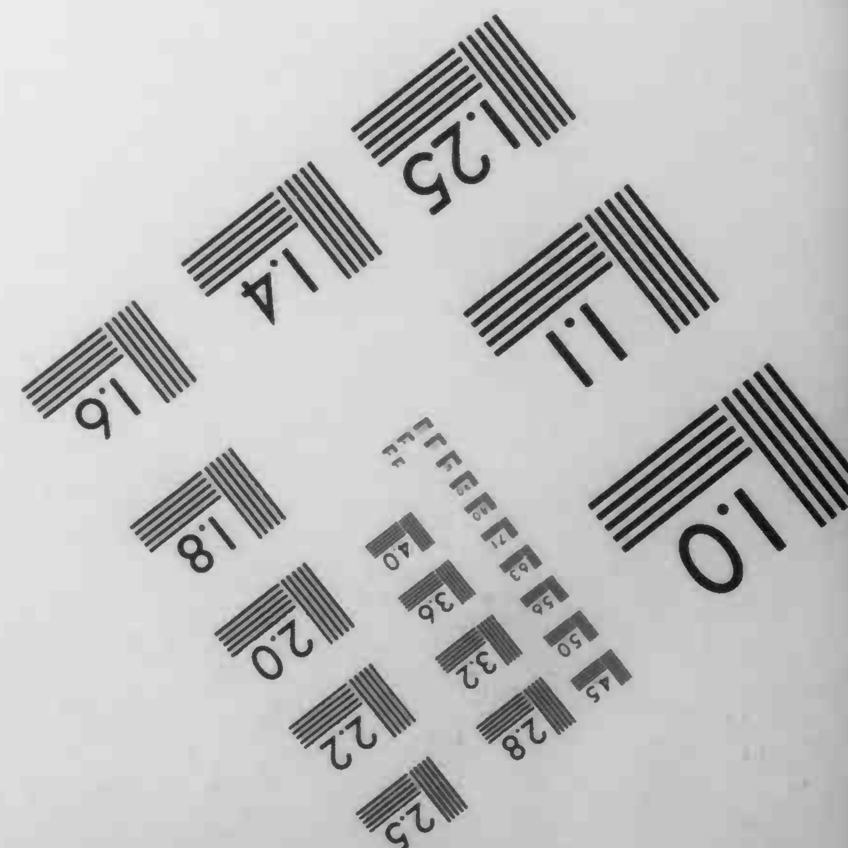
Centimeter

Inches

MANUFACTURED TO AIIM STANDARDS
BY APPLIED IMAGE, INC.

ИЗВЕСТИЯ КАВКАЗСКОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
BULLETIN DE L'INSTITUT CAUCASIEN D'HISTOIRE ET D'ARCHÉOLOGIE
ТОМ III ТИФЛИС 1925 TIFLIS TOME III

Архивные данные о смерти на Кавказе академика Самуила-Готлиба-Георга Гмелина (младшего) *.

(По документам Центрархива С. С. Р. Грузии).

Академик Самуил-Готлиб-Георг Гмелин—младший (род. в Тюбингене в 1745 году, сконч. в Дагестане, в сел. Ахметкент. 27/VII 1774 года), автор сочинения о трех царствах природы, на обратном пути из „физической экспедиции“ к берегам Каспийского моря, 5/II 1774 года был захвачен кайтагским владельцем („усмей-ханом“) Амир-Амзою. Этот поступок Амир-Амзы был актом мести по адресу русского правительства за то, что жители сел. Андреевского, входившего уже к этому времени в состав русских владений, в свое время участвовали в разорении кайтагских владений персидским шахом Надиром и переманили оттуда к себе 200 семейств терекемейцев и 80 семейств евреев. Захват академика встревожил русские власти. Завязалась по этому поводу оживленная переписка у местных властей, главным образом у астраханской губернской канцелярии и кизлярского коменданта, как между собою, так и с Петербургом, а также с отдельными горскими владельцами, через которых пытались воздействовать на усмея кайтагского.

Все эти канцелярские хлопоты не увенчались успехом. Не дождавшись освобождения, Гмелин от тревог, волнений и дурного питания скончался в плену 27/VII того-же года. Захваченные вместе с ним двое участников экспедиции, студент Иван Михайлов и рисовальщик Федор Баур [1], после смерти академика, сейчас-же были освобождены усмеем и получили от него разрешение вывести тело умершего.

* Представлено на Собрании ученых членов КИАИ 4/V, 1925 г.

[1] Экспедиция, не считая самого Гмелина, состояла из 6 лиц: 4-х студентов—Габлица, Михайлова, Мошкова и Соколова, одного рисовальщика—Баура, и одного аптекаря, и сопровождалась конвоем из 20 уральских казаков.

Они намеревались перевести тело в Кизляр (в 4-х днях пути), но это оказалось невозможным в виду жаркого летнего времени. Отказавшись от своей первоначальной мысли, они предали его земле близ сел. Каякент 28/VII[2]. В следующем году русское правительство снарядило под начальством ген.-майора де-Медема в кайтагские владения карательную экспедицию и заставило усмей-хана Амир-Амзу просить *прощения*.

Об этом прискорбном событии сообщают многие из современников и ближайших преемников Гмелина на поприще востоко- и кавказоведения—I. Reineggs, Броневский и Бутков[3]. В 1861 г. акад. Б. Дорн во время своего пребывания на Кавказе, вместе со своими спутниками Петуховым и Гиппиус, разыскал могилу Гмелина и поставил на ней скромный памятник—деревянный крест с вырезанною на нем надписью: „Академик Гмелин † 27 июня 1774 года“[4]. Позднее, однако, сведения об обстоятельствах смерти Гмелина делаются глуше, и событие это как-будто забывается. В 1902 г. к этому событию вернулся известный кавказовед, ныне покойный Е. Г. Вейденбаум, воспользовавшийся, повидимому, как увидим ниже, для своей работы, между прочим, и теми документами, о которых идет речь в настоящей заметке[5]. В изданиях справочного характера сведения о Гмелине и его смерти становятся чем ближе к нашим дням, тем реже и, что хуже всего, фантастичнее. Так, несмотря

[2] По прибытии своем 1/VIII в Кизляр, Соколов и Баур отправили оттуда 3/VIII в Академическую Комиссию подробный рапорт о последних днях и смерти Гмелина (напечатан О. Бодянским в „Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“ за 1867 г., кн. III, отд. V, стр. 11—16; в сопроводительном примечании—некоторые сведения о самой экспедиции и ее отдельных участниках).

[3] „Der Dorf Kiaja-Kent und die noch übriggebliebenen Mauern einer alten Bergfestung Humry enthalten das Grab des, an asiatische Reisen nicht gewöhnten, nur jugendlich aufbrossenden, sonst aber unschuldig guten Gmelin's, der durch Utzuums barbarischen Frevel ein Opfer des Kaukasus würde, und seinen Tod aus Verdruss durch unablössiges Brandweintrinken, ohne Noth beschleunichte“—*J. Reineggs*, Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus I, 106. См. также *Броневскій*, Новѣйшія извѣстія о Кавказѣ, М. 1823, II, 311; *Бутковъ*, Матерьялы для новой исторіи Кавказа, Спб. 1869, I, 25, и II, 12.

[4] Акад. *Б. Дорнъ*, Отчетъ объ ученомъ путешествіи по Кавказу и южному берегу Каспійскаго моря [из VIII кн. Труд. Восточ. Отд. И. Русск. Арх. Об-ва], Спб. 1861, стр. 32—22.

[5] *Е. Г. Вейденбаумъ*, Академикъ Самуилъ Готлибъ Гмелинъ. Его плѣнъ и смерть въ Дагестанѣ въ 1774 г.—„Баку“ 1902 г., № 55. Эта статья нам известна только по названию (см. *Л. М. Меликсетъ-Бековъ*, Е. Г. Вейденбаумъ, какъ кавказовѣдъ.—Изв. Кавк. Музея, т. XII, и отдельно—Тфл. 1912, стр. 15). Газеты „Баку“ за 1902 г. в Тифлисе, к глубокому сожалению, нам найти не удалось.

на то, что в „Энциклопедическом Словаре“ изд. Брокгауза и Эфрона в свое время была помещена вполне удовлетворительная, в общем, справка, в „Новом Энциклопедическом Словаре“ того-же издательства, взамен этого, мы находим сведения, совершенно не соответствующие действительности[6]. В каком состоянии в настоящее время могила Гмелина и какова ее судьба,—нам неизвестно.

Все сведения о смерти Гмелина, какие сообщают Reineggs, Броневский, Бутков и др., вообще, очень кратки. Подробный рассказ о последних днях погибшего академика мы находим лишь в упомянутом выше „рапорте“ Михайлова и Баура, документе, который, повидимому, еще до его напечатания, лег в основу сообщений и всех названных авторов[7]. Этот рапорт, составленный очевидцами смерти Гмелина, остававшимися при нем до последнего его издыхания, имеет в данном случае огромную историческую ценность. Но он не освещает это событие с другой стороны. Захват в плен такого видного лица всполошил русскую пограничную администрацию. Завязалась по этому поводу оживленная переписка между астраханскою губернскою канцелярией, где тогда сосредоточивалось управление русскими владениями на С. Кавказе, и комендантом г. Кизляра (ближайшего к владениям кайтагского хана русского пункта), между местными властями и Петербургом. Принимались меры к освобождению злосчастного академика, и в этих целях старались воздействовать на кайтагского владельца через его соседей. Все эти вопросы до сих пор оставались почти совершенно не освещенными.

В настоящее время в Центрархиве С. С. Р. Грузии, среди поступивших в это хранилище дел и бумаг б. Кавказской Археографической Комиссии, имеется подлинное „Дѣло о захватѣ въ плѣнъ профессора Гмелина горскимъ владѣльцемъ Уцміемъ“. Не сообщая каких-либо новых данных о самой смерти Гмелина, это „Дело“ содержит целый ряд очень интересных документов указанного порядка. Большую

[6] „Выѣхавъ изъ Дербента, онъ былъ ограбленъ и задержанъ хайтацкимъ ханомъ Усмеемъ (sic!), въ расчетѣ получить за него выкупъ. Отъ всевозможныхъ лишеній Г. заболѣлъ и умеръ въ 1774 г. въ деревнѣ Ахметкентѣ, гдѣ находился въ заточеніи“ („Энц. Слов.“ изд. *Брокг.* и *Эфр.*, вып. XVI [1893], стр. 93!), „...*вернулся въ Астрахань. Отъ всевозможныхъ лишеній заболѣлъ и умеръ*“ (?!) („Нов. Энц. Слов.“ того-же изд., т. XII [1900], стр. 805). В других крупных энциклопедических словарях (изд. тов. *Гранат* и к-о, „Русская Энциклопедія“) сведений о Самуиле Г. Гмелине вовсе нет.

[7] Издатель „рапорта“ Бодянский, к сожалению, не сообщает, откуда им извлечен этот документ.

часть этих документов в свое время, как есть на это несомненные данные, предполагал опубликовать покойный Е. Г. Вейденбаум. Нам удалось ознакомиться с этим делом сравнительно недавно; к тому-же, последние месяцы приходилось отдавать все свое время другим своим основным научным работам. Приходится отказаться от интересной задачи научной обработки сих документов. Предоставим это другим, ограничимся более скромным: продолжим начатое Вейденбаумом —дадим описание этого „Дела", с перечнем заключающихся в нем документов, и обнародуем наиболее интересные из них. К празднику РАН на страницах „Известий" КИАИ почтим память одного из подвижников науки и тем самым внесем свою скромную лепту в летопись академического кавказоведения.

* * *

„Дело", о котором идет речь, в настоящее время в том виде, как оно хранится в делах и бумагах б. Кавказ. Археогр. Комиссии, переплетено в картонный переплет—повидимому, уже после его поступления в комиссию. На корешке переплета—заголовок: „Дѣло о захватѣ въ плѣнъ профессора Гмелина". На лицевой доске переплета, в нижнем левом углу, наклеена этикетка: 1/л. На первом титульном, так-же, очевидно, времени поступления „Дела" в Комиссию, листе рукою конца XIX века заголовок: „Дѣло о захватѣ въ плѣнъ Профессора Гмелина горскимъ владѣльцемъ Уцміемъ"; ниже—тем-же почерком подпись: „оставить до полученія изъ Петербурга Путешествія Самуила Гмелина"; в верхнем правом углу шифр: 400. Этому титульному листу предшествует чистый, в верху которого собственноручная надпись, какую обыкновенно ставит владелец книги: „Е. Вейденбаум". „Дело", поступившее первоначально в Комиссию, перешло, таким образом, очевидно, впоследствии в личную собственность Е. Г. Вейденбаума.

После титульного листа следует обложка, в которой „Дело" хранилось в канцеляриях и архивах до его поступления в Комиссию. На этой обложке почерком второй половины XVIII в. заголовок с поправками, сделанными, видимо, несколько позднее, быть-может в начале XIX века: „Дѣло о захватѣ въ плѣнъ (гдна) профессора Гмелина Горскимъ владелцомъ Уцміемъ (въ баранту). 1774-го года" [8]. На той-же обложке—три регистратурных №№, из которых два первых

[8] Поправки даем разрядкой, зачеркнутое ставим в скобки.

зачеркнуты, и оставлен только третий: 142, 86 и 71. Тут тем-же почерком, каким сделаны поправки в заголовке, пометка: 98 листов.

Все „Дело"—в полной сохранности, но только в нем в настоящее время не 98, а 95 листов, из которых 3, 13, 24—33 вкл., 44, 49, 51, 56, 62, 63, 73, 74, 85, 92—95 вкл.—пустые; остальные заняты документами или относящимися к ним пометками. Вырванных листов нет; дело заканчивается пустым 95-м.

Прежде чем перейти к описанию заключающихся в „Деле" документов, отметим еще, что в настоящее время в него вложена пачка листов писчей бумаги, исписанных характерным мелким почерком Вейденбаума и свидетельствующих о том, что покойный кавказовед подготовлял это „Дело" к печати. Листы эти заключают в себе: 1) краткое (на одну страницу писчего листа) введение к будущему изданию, помеченное 2-м ноября 1883 г.; 2) выписки о Гмелине из сочинений Дорна, Буткова, Броневского и I. Reinegg's'a; 3) копия с напечатанного Бодянским в „Чтениях" донесения Михайлова и Баура; 4) копии с некоторых документов, заключающихся в „Деле", главным образом, рапортов в астраханскую губернскую канцелярию кизлярского коменданта Штендера; 5) несколько листов отдельных выписок, заметок и т. п.

Мы даем ниже характеристику главных групп заключающихся в „Деле" документов, а в заключение приводим целиком некоторые из документов, в свое время подготовленных к печати Е. Г. Вейденбаумом [9]. Выбор документов для печати был сделан Вейденбаумом мастерски: это именно те части настоящего „Дела", которые вводят исследователя in medias res. Копии, снятые им с этих документов, не всегда точны. Нами они все исправлены по подлинникам. Орфографии документов мы вынуждены придерживаться лишь постольку, поскольку это допускают технические условия. Впрочем, в языковом отношении эти документы большого интереса и не представляют.

* * *

Настоящее „Дело", говоря языком старых присутственных мест, было „заведено" в канцелярии астраханского губернского правления, бывшего в то время высшей местной инстанцией для русских владений на Кавказе; „исходящие" этой канцелярии хранятся в „Деле" в от-

[9] В описании документы, напечатанные целиком, обозначаются звездочкою.

пусках или черновиках; „входящие“ (не считая некоторых приложений к ним)—в оригиналах. Не считая отдельных, не имеющих существенного значения, документов, „Дело“ охватывает время с 11/II, 1774 г. (рапорт терского ротмистра Горина коменданту Штендеру) по 17/V того-же года (присяга андреевского и костековского владельцев о содействии освобождению Гмелина)[10].

„Дело“ возникло по рапортам в канцелярию нежинского мещанина, тестя Гмелина, Николая Рентеля, от 23/II, и кизлярского коменданта, полковника Ивана Штендера, от 12/II (получены в канцелярии 25 и 24/II), о захвате Гмелина кайтагским владельцем, ханом Уцмием Амир-Амзою. Астраханская губернская канцелярия имела по этому поводу суждение; решено было избрать путь мирного воздействия, обратиться к кайтагскому владельцу с письмом, послать ему подарки, а также просить о воздействии на него его соседей. Приняв это решение, канцелярия дала соответствующие указания в Кизляр, переслала через Кизляр письма местным владельцам и донесла о случившемся в Петербург. С этого момента активная роль канцелярии, в сущности говоря, закончилась: она в дальнейшем не столько инструктирует Кизляр, сколько получает от последнего информацию и служит передаточной инстанцией между ним и высшими учреждениями. Центр активной деятельности переносится в Кизляр, где ведутся переговоры с местными владельцами. Отсюда, не считая различных мелких документов, обычно перемежающихся в каждом архивном деле с основными, документы настоящего „Дела“—их всего 60—получают следующую группировку.

I. Документы, обрисовывающие линию, взятую астраханской губернской канцелярией в вопросе о захвате Гмелина: ее протокол от 24/II (лл. „Дела“ 4—5 об.); ее указы кизлярскому коменданту от 4/III (л. 6) и 24/VI (л. 80); ее сообщение к командующему военными силами в Кизляре, ген. поручику И. Ф. де-Медему, от 7/III (л. 15); ее письма от 4/III: к дербентскому и кубинскому Фетх-Али-хану (л. 16), тарковскому шевкалу Муртаз-Али (л. 17), женгутейскому владельцу Тисис-Бамату (л. 19), владельцу Гуйнагу (л. 20) и самому хану Уцмию (л. 18), и ее рапорты: в Академию Наук от 21/III (л. 21; ошибочно датировано 12/II), астраханскому губернатору, ген.-майору П. Н. Кречетникову, от 12/III (л. 22), 30/IV (л. 55) bis—30/IV

[10] Почти все документы в „Деле“ относятся к 1774 г., а потому в дальнейшем этот год, при датировке, не выставляется.

(л. 61) и 4/VI (л. 75) и в Государственную Коллегию Иностранных Дел от 25/VI (л. 84).

II. Рапорты кизлярского коменданта полковника И. Штендера: в астраханскую губернскую канцелярию от *12/II (л. 2), 1/III (л. 40), *IV без числа (л. 52), *16/IV (л. 57) и *19/V (л. 65) и в *Государственную Коллегию Иностранных Дел от 1/III (л. 45). К этой группе, по существу, могут быть присоединены два особняком стоящие документа: рапорт *в астраханскую канцелярию от 12/II Рентеля (л. 1) и письмо Штендера к хану Уцмию от 13/IV (л. 59). Это —наиболее существенная группа документов.

III. „Доезды“ т. е. рапорты, поданные кизлярскому коменданту теми лицами, которых он посылал для переговоров с местными владельцами: терского войска—*ротмистра Горина, от 11/II (лл. 47—48 об.), *мурзы Канбулата Шейдякова, от 27/II (лл. 42—43), *майора Киреева, от III, без числа (л. 54), дворянина Андрея Филатова, от 29/IV (л. 67), и *два—ротмистра Павла Батырева, от 8/V (лл.* 68—69) и 15/V (л. 71). Эта группа документов является весьма существенным дополнением к предыдущей.

IV. Письма к кизлярскому коменданту местных владельцев: кайтагского владельца, хана Уцмия Амир-Амзы,—*s. d. (л. 41), от II (л. 43 об.), от III (л. 58) и s. d. (л. 67); тарковского шевкала Муртаз-Али—*s. d. (л. 41) от III (л. 58 об.) и s. d. (л. 67 об.); *андреевского владельца Темира-Хамдина (л. 70) и *костековского владельца, капитана Хамзы Алишева (л. 70).

К этой группе, по существу, может-быть присоединена **Присяга* названных андреевского и костековского владельцев, от 17/V, в том, что, чрез посредство женгутейского владельца Тисис-Бамата и казанышевского Али-Султана, они будут добиваться освобождения Гмелина.

Эта присяга является, в сущности говоря, заключительным моментом в истории вопроса об освобождении Гмелина, поскольку этот вопрос освещается настоящим „Делом“. Источником, освещающим дальнейшее развитие этого вопроса, так и не получившего желательного результата, остается несколько раз упоминавшееся нами „Донесение“ Михайлова и Баура.

Документов, освещающих непосредственно и по существу политику петербургских учреждений, Коллегии Иностранных Дел и Академии Наук, в „Деле“ нет. Что касается единственного, находящего-

ся в „Деле“, предложения в астраханскую губернскую канцелярию астраханского губернатора Кречетникова от 2/IV (л. 50), то оно большого значения не имеет.

М. А. Полиевктов.

Тифлис, 1925 г.

I.

Рапорт в астраханскую губернскую канцелярию нежинского мещанина Николая Рентеля. 23/II 1774 г. (л. 1).

Сего февраля 22 числа получил я письменное известие от находящегося в кизлярских баталионах секунд-майора Храблева, что отсюда отправленной по всевысочайшему Е. И. В. соизволению по Каспицкому морю физической экспедиции г-н профессор, а мой зять, Гмелин взят в горы на баранту владелцом Уцмием, что подтвердил мне и приехавшей ныне из Кизляра корпуса г-на генерал-майора и ковалера Демедема присланной от него капитан Лукс. Уверив о чем, астраханской губернской канцелярии и доношу.

II.

Рапорт в ту-же канцелярию кизлярского коменданта, полк. Ив. Штендера. 12/II 1774 г. (л. 2).

Возвращавшейся из Персии физической экспедиции г-н профессор и доктор Гмелин, экспедиции ево с двумя студентами и с частию из команды казаками, при одном есауле, и шесть человек армян, трое астраханских, один здешней кизлярской житель, а двое тефлисские, по выезде из Дербента задержаны хайдацким владелцом Уцмием Амир-Амзою за почитаемую им на подданных российских андреевцах претензию, еще при раззорении хайдацкаго владения бывшим персидским Надыршахом, о перешедших и теперь живущих в андреевской деревне терекеменцах двустах и жидов осьмидесяти дворов. О сем случаи и послал я за андреевскими владелцами нарочного с тем, дабы они скорее сюда приехали. С коеми и по соглашению с г-ном генерал-порутчиком и ковалером Иваном Федоровичем Демедемом, в выручении ево г-на профессора со всеми надлежащих мер употребить и сей астраханской губернской канцелярии о предприемлемости с подробностию донести за сим не премину.

III.

Рапорт кизлярскому коменданту Штендеру терского войска мурзы Канбулата Шиндякова. 27/II 1774 г. (л. 42).

Посылан я был от вашего высокоб-дия с писмами к хайдацкому владелцу Уцмию об отпуске задержаннаго им г-на проф-ра и д-ра Гмелина с командою. Туда, в проезд чрез Тарки и Буйнаки, получал от владелцов проводников без задержания с ласковостию. По приезде к Уцмию нашел ево в терекемейской деревне Берекей, вашего высокоб-дия писмо ему подал. Он, приняв, не читав ево, приказал отвесть в другую подвластную ему деревню Джиму на квартиру, а притом сказал, чтоб я явился к нему поутру на другой день. Я ему явился, а он ответствовал мне, что г-н проф-р не выпустится, пока живущие в Андреевской деревни бывшие ево подвласные жиды и терекемейцы обратно ему не отдадутся, ибо де ваше высокоб-дие имеете андреевских владелцов в своей власти, то приказав им, взяв с собою старшин, приехать на средину пути между Андреевскою деревнею и Уцмиевскаго владения, куда и Уцмий быть обещался ж, и там-бы им между собою по их обычаям разобраться, почитая себе за крайнее неудовольствие, что андреевские владелцы его подвластными ползуются. Что-же де те владелцы будут на него в чем претендовать, равное удоволствие сделать обещается; причем вызывался в случи-де неудовольствия, российских какой-бы нации не были подданных людей, едущих в Персию и ни оттуда сюда пропускать не будет, а во всякой раз задерживать станет у себя, о чем написал вашему высокоб-дию писмо, отдал мне и с проводниками отпустил. Профессор находится теперь во одной деревне с ним Уцмием со всеми с ним захваченными людми, к коему я допущен для свидания был. Все задержанные днем ходят волно по деревни, а ночью к тому дому, в коем живут, приставляется караул.

До приезда моего еще к Уцмию, отправившихся отсюда для торгу в Дербент с товаром здешних жителей, тезиков Аличея Мамет Сеинова, Сейхана и Арсланбека Аджихановых и Кумачая захватил хайдацкой Усмий в баранту и имеющеися при них товары, семя канцелярнаго три пуда, краски брусковой двенадцать пуд, отобрав, запечатал своею и тезика Аличея печатми. Держа их три дня, потом объявил, чтоб от него ехали, а товар их оставил у себя; когда-же выпустит российских захваченных людей, то их товар в то время отдаст;

а ежели российские не выпустят, и их товар останется. И велел Усмии их проводить сыну своему Алибеку: а как в тот день выехать было не можно за наступлением ночи, почему Алибек уцмиев сын объявил тезикам, чтобы оне ночь переночевав, поехали поутру, с чем и остались в доме канака тех тизиков Усейн Алия, да и товар за печатью в доме ево ж находился. Но в ту ночь, тюки развязав, болшую часть из товара тезики с своим канаком отправили в Дербент. А по разсвете, как должно было им самим ехать, Усмий в то время прислал своего человека для осмотру товара, которой, увидя украденной, донес Уцмию. А Уцмий приказал тезиков за то бить палками. Потом повелел было Аличею выколоть один глаз, но только по прошению ево узденя от того освобожден и содержится за то в железах. Принуждает их Уцмий, дабы отправленной воровски в Дербент товар неотменно возвротили. Но и в Дербенте сей привезенной товар отнял Фет-Али-хан и не отдает.

Будучи там от своих знакомцов слышал я, что первой Уцмию подвласной деревни, называемой Берекей, коя людми протчих силнее, старшины и народ, собрався, выговаривали Уцмию, что он чрез свои дурные поступки поссорился с дербенским Фет-Али-ханом, тарковским шемхалом, а потом и с Россиею. И естли де желает все то и разбойничать оставит, никово не будет обижать, так они ево своим владелцом почитать станут, а в противном случаи не хотят, почему из той деревни ево и с женами выслали вон.

IV.

Рапорт кизлярскому коменданту Штендеру ротмистра терского войска Гарина. 11/II. 1774 г. (л. 47).

По повелению ва-го высок-дия посылан я был вообще терскаго войска с мурзами Батырь мурзою Акмурзиным и Джанбулатом Шейдяковым с командою яицкими казаками при есауле двадцатью и с терскаго пятью, да при мурзах было шесть узденей, для препровождения следующаго из Персии г-на професора и д-ра Гмелина. Отсюда отправясь, первее прибыли в Тарки, писмы в-го высокоб-ия подал шемхалу Муртазалию: он принял ласково и дал проводников. С ними доехали хайдацкаго Уцмия Амир Амзы до деревни, Терекеме называемой, но Уцмия тут не было, а находился в хуторах своих, почему я с мурзами и десетью казаками ездили к нему и также писмо

подал. Он весма принел ласково, дал до Дербента проводников, обещался и во обратной проезд безопаснее проводить. В Дербент по прибытии явились с писмом ваш-го выс-дия тамошнему наипу Мирзабеку. Он по прочтении приказал отвесть квартиры и сказал, когда с г-ном проф-ром изготовимся ехать, тогда б явились. Но на другой день после полден наип прислал к проф-ру, сказывая, якобы получил ханское письмо, и хан велел професору из Дербента выжжать. А он, будучи неготов, не по один раз от себя своего человека да и нас посылал к наипу с прозбою, чтобы дал время изготовится. Но он отказал и непременно велел ехать, сказал с тем, естли доброволно не выедем, а между тем хан пришлет повеление иттить ему с войском в Кубу, то не оставит нас в Дербенте, а с силою выгонит вон, и без всякаго провождение принуждены будем ехать. А теперь де сам проводит, да и к Уцмию писал, котораго сын Алибек на дороге с людми дожидается. Почему на третей день нашего приезда в полдни с професором из Дербента выехали и за пропровождением наипа доехали до урочища, называемаго Кефери, кое причитается в дачах Дербента. Тут встретился Уцмиев пошлинной сборщик Ферали с одним человеком и сказал, будто сам Уцмий и с сыном нас дожидались и не дождався, поехали к морю на охоту. Однако наип професора и нас проводить поручив ему, сам возвратился в Дербент. При чем приметили мы наип с Уцмиевым человеком все разговоривал, скрываясь от нас; а как нарочно из нас кто ближе к нему подъе[...]т, то разговор переменяет, из чего начели мы принимать сумнение. И таким образом, растався с наипом, на дороге, не доезжая Уцмиевой деревни Берекей, как тракт лежит чрез нее, професор наперед меня с мурзами послал к Уцмию, дав ему в подарок несколко аршин сукна, и чтоб от него испросить проводников. Мы как приехали к Уцмию, он, не допустя нас к себе в покой, во окошко разговоривал и подарок принял и притом сказал, чтобы професор для свидание заехал к нему. Мы, пересказав сие, вообще уже с професором по приезде в оную деревню, были у Уцмия в доме, а команда ожидала на дороге, где, по многом от Уцмия приветствия, отпустил он професора и сам, чтоб ехали. Как только стали на лошадей садится, прибежал к нам Уцмиев человек и сказал, чтобы г-н професор нетолко ехать обождал, пока напишет Уцмий к в-му вы-дию писмо, котораго мы дожидались другаго дня до полден, ибо ночь переночевали, недоежжая сей деревни в другой, и по многой посылке от него

писма неполучали, а ответствовал Уцмий, чтоб в ево деревни переначевать, и выпускать не приказал. Где видя ево дурныя мысли, г-н професор во удовольствие подарить ему обещал часы, кои Уцмий не принял и приказал нас разставить по разным квартирам. Однако во осторожность остановились мы на одной. И как к квартире поехали. Уцмиевы люди весь професорской экипаж взяли на двор Уцмиев, с коего времени ни мы не были уже к Уцмию блиско допускаемы; а у квартиры при самом покое поставил с ружьями двенадцеть человек татар и не приказал никого выпускать, розтавя везде и по дорогам в болших партиях своих людей. Переначевав ночь, мне с мурзами и с казацкою каманлою, недопуская к себе вблиз, приказал из деревни ехать, объявя, что професора не отпустит и будет содержать в баранте за ушедших, при раззорение Уцмиевскаго владения персидским Тамас-ханом, как еще он тогда и шахом не был, в Андреевскую деревню терекемейских татар и жидов двести семей, кои де принадлежат ему. Хотя сколь мы об отпуске проф-ра не просили, но все не преуспело. На последок не хотели мы отстать от професора, то Уцмий приказал с мурзами и казаками [удержав толко при професоре яицкаго есаула с четырью казаками, да трех из бывших с професором гребенских казаков, ево экспедиции дву студентов и професорского служителя, а еще вообще с нами ехавших армян, трех астраханских, одного кизлярскаго и дву тефлисских прикащиков здешних армян], насилно выгнать, причем приказал Уцмий и писмо на имя в-го высок-дия, кое при сем подносим. Таким образом будучи выгнанными, оставя его проф-сора с вышезначущими людьми, прибыли в Тарки, объявили о сем Шехалу. А он сказал, что Уцмий с ним не в согласии, и ничего ему сделать не может. Из команды-ж яицких казаков один Василей Кулаков, при выезде из Дербента, бежал и остался там, кой был природою из персиан.

V.

Перевод писем к кизлярскому коменданту Штендеру от: 1. кайтагского владельца усмий-хана Амира-Амзы (л. 41), *и 2. тарковского шамхала Муртаз-Али* (л. 41). *S. d.*

1. Чрез сие писмо вашего выс-бл-ию уведомя, изъясняюсь что ежели между нами и вами продолжается доброжелателное союзство, то находятся наших двести дворов терекеменцов и с восемдесят дворов жидов в подвластной вашей Андреевской деревне, почему я людей

российских и удержал единственно ради подвластных наших людей. И ежели вы тех наших подчиненных изволите выслать, то и мы вашего посланца отпустим. А как я до сего времени имел терпение, но толко ползы от того ничего не получил, чем же я виновен, что подвластных моих удерживаете. Но толко естли между нами и Андреевской деревнею есть какие споры, про то мы сами ведаем и обойтись можем, а о сем деле с Андреевскою деревнею нимало нужды не имею. А как оная состоит под повелением вашим и во всем вам покорна и из повеления вашего не выйдет, почему тех наших подчиненных требуем от вас. А до сего времени проезжающим вашим делая из единаго доброжелательства пропуски, но толко никакой ползы не получил. Итак, ежели желание наше исполните, то и впредь то ж самое оказывать не оставлю; а ежели не пожелаете исполнить, то власть вашего высоко-б-дия, о своем деле я сам могу знать.

2. С дружеским вашим писмом мурзы Батыр и Канбулат Шендяковы и ротмистр Горин с командою прибыли, как следовало, до Дербента, которых по доброжелателской моей должности до надлежащаго места доставил благополучно. А как во время возвращения оттуда хайдацкой владелец Уцмий им причинил такое неистовство, о чем и вашему высокоб-дию известно будет. А сей Уцмий всегда со мною и с братом моим кубинским Фетх-Али-ханом продолжает несогласие, хотя он собою далняго дела учинить и не может, но толко такие неистовства причинять не оставляет. И вашему высокоб-дию известно, что сей Уцмий такой человек натуралистой, невзирающей ни на кого и не состоящей под властию нашею. А как наивсегда сколко мог я усердностью услуги делать вам, и впредь помощию божиею то ж самое оказывать непремину.

VI.

Рапорт в Коллегию Инностранных Дел кизлярского коменданта Штендера. 1/III 1774 г. (л. 45).

Бывшей в Персии Имп. Академ. Наук и Волнаго Экономич. Обва член, медицыни и философии доктор и одной физической экспедицы главной предводитель, г-н проф. Гмелин из Баки чрез нарочнаго присланным сюда генваря **23** числа с. г. сообщением дал знать, что по порученной ему экспедиции должность требует, окончав по восточному берегу Каспицкаго моря путешествие, сухим путем чрез Персию в Рос-

сию возвратится, и требовал о присылке к нему, для препровождения до здешняго места, в Дербент канвоя. Но как никаких известей ко опасному ему проезду ни было, в сем случаи испросил я от г-на генерал-порутчика и ков-ра Ивана Федоровича Демедема при есауле двадцать яицкаго войска казаков, присовокупя к ним и из здешняго терскаго войска при ротмистре Горине, и еще откомандировал к лутчему препровожению дву мурз Батыря Акмурзина и Канбулата Шендякова. Всех их отправил в Дербент, кои прибыли туда благополучно, но из Дербента тамошним наипом Мирзабеком професор, а с ним и команда высланы усилно. Напоследок по прибытии в деревню хайдацкаго Уцмия професор с частию команды и шесть человек купцов, тут-же ехавшие, задержаны как Гос. Кол-ия изволит усмотреть ис подносящихся при сем копей с доезда ротмистра Горина и с писма Уцмиева. А причину задержания почитает Уцмий за состоящих теперь у андреевцов терекеменских татар и жидов, перешедших еще при разорении хайдацкаго владения персидским Надыршахом, требуя их к себе. Я тогда ж, дав о сем знать г-ну генерал-порутчику, послал нарочнаго призвать сюда андреевских владелцов, а между тем и Уцмию писал, что ему захватывать за постороннее дело не следовало, а надлежит разбиратся в том с андреевцами, просил о выпуске професора, дав знать при том, естли не выпустит, не оставлю донесть выс-шему всеросс-му двору, где оное сочтется за неудовольствие и оставлено так не будет. О чем и г-н генерал-порутчик от себя к нему писал, однако и по тому Уцмий не освободил никого, как усмотритца из влагаемой здесь-же копии с доездом Мурзы Канбулата Шендякова и ответнаго Уцмиева писма, а еще между тем захватил здешних жителей четерех человек тезиков с товаром и намерен всех проезжающих захватывать.

По моему призыву андреевские владелцы Темир Хамзин с сыном Казием Аджи Муртузали Чепаном и костьковской капитан Хамза Алишев, как сюда прибыли, я им сделанное Уцмием объявил. Напротив того отозвались все они, что терекемейцы и жиды перешли к ним сами и теперь возвратится не желают, да и им отдать не можно, хотя все себе примут смерть, толко непочему не отдадут. Однако, по увещеванию, сняли на себя, чтоб им того професора со всею командою выручить, ибо казанышевской владелец Тишис Бамат родственик Темиру Хамзину, а ему Уцмий, а еще женгутейской владелец Али Солтан весма знакомы и одну все трое между себя имеют присягу,

с коими Темир хотел ехать сам к Уцмию и всеми мерами постаратся о выпуске от него задержанных. А когда и за тем не освободит, то довесть до того, чтобы подкрепляющие Уцмия владелцы от него отстали, а по бессилию принудить, с чем все они, кроме Темирова толко сына, отправились. Но как последнее Уцмиева писмо получено послее отъезда их, то я андреевских владелцов и уведомил, что он желает с ними вступить в разбирателство. Что ж по тому произойдет, донесть Госуд-ной Коллегии Иностранных Дел не премину. Естлиж и по всему тому его проф-ра с командою не выпустит, то что учинить прошу меня высокою резолюциею не оставить. А чтоб и еще более в его руки попадать не могли никто из российско-подданных купцов и служащих, сухим путем в Персию пропускаем не будет, в чем от меня с копиею с сего и Госуд-ной Военной Коллегии довесено.

VII.

Рапорт в астраханскую губернскую канцелярию кизлярского коменданта Штендера. Апрель; без числа (л. 52).

При указе Е. И. В-ва из оной астраханской губернской канцелярии от 7-го нынешняго месяца присланы ко мне, по случаю задержаннаго хайдацким Уцмием Амир Амзою следующаго из Персии г-на професора Гмелина с командою, ко Уцмию запечатанное в конверте писмо и в подарок ему алаго сукна восимь аршин, столко-ж золотаго штофа, да трем ево узденям по четыре аршина сукна, и еще писма кубинскому и дербенскому Фетх-Али-хану, тарковскому шемхалу Муртазалию, ево брату буйнакскому владелцу Бамату. И предписано мне, по ближайшему к Уцмию пребыванию, о высвобождении ево професора, по рассмотрению, всеусильнейшие употребить прозбы, и склонить к тому свойственников ево Уцмия и дружелюбцов, а о произшествии губернской канцелярии давать знать; те-ж писма и подарки отправить без промедления. Я, исполняя губернской канцелярии повеление, хотя и не оставил все то с нарочным надежным человеком к Уцмию и к прочим доставить, но, как астраханская губернская канцелярия из отправленнаго от меня в Государственную Коллегию Иностранных Дел рапорта, копиею оной губернской канцелярии от 2 марта досланнаго, предвидела, что Уцмий задержал ево професора с протчими в баранту за почитаемую в претензию на подданных Е. И. В. андреевских и костековском владелцах, требуя к себе

у них находящихся терекемейских татар и жидов, кои перешли не от одного Уцмиевскаго владения, а из разных мест по своей воле в давних летах, напротив того подданные владелцы, не признавая принадлежащими их ко отдаче, и ни почему отдавать не хотят. Однако по увещеванию моему согласились старатца ево професора с командою выручить и употребить в том способы чрез своего родственика, а Уцмия болшаго приятеля, и во общественной присяге находящегося казанышевскаго владелца Тишис Бамата; с тем, быв здесь, отправясь, посылали к нему, которой обещался старатца. Однако я и еще посылал нарочнаго к лутчему увещеванию к ним майора Киреева, которой по возврате каков подал доезд с него астраханской губернской канцелярии, подношу копию. А при том имею честь донесть, что я разсылкою как подарков, так и писем удержался до усмотрения обстоятельств, на чем положат андреевские владелцы с Тисизом, дабы разсылкою неиспортить их предприятие ибо андреевские владелцы за частые посылки напоминавеней несколко негодуют, поставляя себя в том задержании не притчиною. И совсем было отказывались, но я, всеми ласкательствами уговаривая, их ввожу, чтобы они к сему делу более приступили. По каковым обстоятельствам и г-н генерал-поручик и ковалер Иван Феодорович Демедем изволил, апробовав удержание разсылкою писем и подарков, предписать мне не посылать до повеления его. Почему я и употреблял все меры к скорейшему исполнению в выручении професора, смотря по известным и астраханской губернской канцелярии о здешнем крае нынешним обстоятельствам. А о произшествии и впредь доносить не премину.

VIII.

Рапорт кизлярскому коменданту Штендеру майора терского войска Киреева. Март; без числа (л. 54).

Во исполнение вашего высокобл-дия повеления, ездил я в Андреевскую деревню для соглашения тамошних владелцов на скорейшее выручение задержаннаго хайдацким Уцмием Амир-Амзою следующаго из Персии г-на проф-ра Гмелина с командою. Прибыв в Андрееву деревню, писмо вашего высокобл-дия в собрании владелцу Темиру Хамзину, как старшему, подал, при чем были Хамза Алишев, Алисолтан Канбулатов и андреевские старики; владелцов-же Андемира Баматова и Аджи Муртазали Чепанова в то время в деревне не было, а находились в аулах. Темир, по прочтении писма, сперва хотя и говорил, что со здешней стороны видно де хотят их к выручению принуждать силою, в чем они ни мало невинны, а как де здесь будучи, обещались в том старатся, то и не оставят. Напоследок соглася́сь, послал от себя Темир нарочнаго узденя к казанышевскому владелцу Тисис Бамату, дабы он к нему приехал; обещался с ним посоветывав, с тем положить, чтоб он, как с Уцмием находится в дружеском обществе, а им родственик, то и согласил Уцмия професора со всеми отпустить; а когда не отпустит от ево общества б отказался ибо де они принуждены будут и с своими, кои есть, неприятелями премириться и тем Уцмия на выпуск, сколь будет их возможности, принуждать. Я, подкрепя его Темира разными увещаниями к точному исполнению в скорейшем выручении, взяв и ответное писмо, возвратился. И надеюсь нынешней день от Тисис Бамата посланной возвратился, или и сам он в Андрееву деревню приехал. А Темир обнадежил, что будет происходить, давать вашему высокобл-дию знать...

IX.

Рапорт в астраханскую губернскую канцелярию кизлярского коменданта Штендера. 16/IV 1774 г. (л. 57).

Хайдацкий Уцмий Амир-Амза чрез студента свиты задержаннаго им г-на професора каково прислал ко мне писмо, а другое тарковской шемхал, с них с переводов астраханской губернской канцелярии подношу копию, из коих губернская канцелярия усмотрит, Уцмий требует скорейшаго исполнения его желания, а без того и выпустить не хочет. Шемхал пишет, чтобы Уцмию требуемых им за выпуск професора тридцети тысячь рублев не давать; и естли де андреевцы и аксаевцы будут с ним согласны, то обещается привесть оное дело ко окончанию. Но как Уцмий ничего мне о денгах не пишет, а казанышевской владелец Тишис Бамат, видясь с андреевскими владелцами, по их, особливо по прошению старшаго Темира Хамзина, поехал к Уцмию и обещался в выручении професора старатца, о чем губернская канцелярия из отправленной пред сим от меня при рапорте копии с доезда дворенина Филатова предвидела, почему шемхалу и ответствовал я, что Уцмий от меня денег не требует и никогда ему за господина профэсора, ниже за терекеменцов, не отдатутца, прося при том употребить и с своей стороны ему в выручении старание,

обнадеживая высочайшею милостью. Студент же объявил мне, что Уцмий професору выговаривал, естли терекеменцов и жидов, им требуемых, нелзя отдать, то он их продает государыне за тридцать тысячь рублев, коих по получении и професора выпустит. На оное со ответнаго Уцмию моего писма подношу при сем копию, которое отправил я от себя с нарочным ротмистром.

Между тем из задержанных Уцмием вообще с г-ном професором один армянин, астраханской мещанин Петрос Восканов, по выпущению, прибыл сюда и объявил, что Тишис Бамат находитца у Уцмия; хотя он Уцмия о выпуске професора и просил, которой ответствовал, якобы ожидает отсюда присылки тридцети тысячь; обещал и ему из них уделить, с чем Тесиз по отъезде его остался у Уцмия. В сем случаи посланному и на словах приказал я Уцмию, по пристойности, без огорчения выговорить, дабы сию надежду неимел, и денег он не получит, а просить единственно об освобождении професора со всеми.

X.

Рапорт в астраханскую губернскую канцелярию кизлярского коменданта Штендера. 19/V 1774 г. (л. 65).

От 17 апреля * сего года астраханской губернской канцелярии имел я честь донесть, с копиями с писем от хайдакскаго Уцмия Амир Амзы и от меня к нему с ответнаго, о задержанном им г-не професоре Гмелине, и что казанышевской владелец Тисис Бамат отправился к нему Уцмию со обещанием старатца в выручении професора. Однако и по тому ничего полезнаго не произошло, как усмотритца из присланных от Уцмия, тарковскаго шемхала и здешних подданных владелцов писем, а равно и с трех доездов от посыланных от меня нарочных. Хотя я Уцмию ответное на ево писмо и отправил было с нарочным от себя, однако, по опасности проезда, буйнакской владелец, не допустя посланнаго до Уцмия, возвратил сюда. Напоследок же, по соглашению с г-ном генерал-порутчиком и ковалером Ив. Фед. Демедемом, призваны были сюда андреевской владелец Темир Хамзин и костековской Хамза Алишев, с коих какова взята присяга о лутчем их старании в выручении ево професора, с нее астраханской губернской канцелярии подношу при сем копию. При чем и они отсюда отправились, а чтоб они точно к женгутейскому владелцу поехали и

* Sic. от 16 апреля?

настоящим образом старались, посылается нарочно господин секунд-майор князь Черкасской. А г-н генерал-порутчик предписал мне на разведание тамошних обстоятелств и к посылке и получению таковых известей шпионов на подарки оным и на приласкание, дабы охотнее в том упражнятца могли, выдать ему Черкасскому денег сто пятдесят рублев, как де без того ничего точнаго, по известности уже сего народа к лакомству, получить неможно, которое ему из здешних доходов серебреною манетою на щет Государственной Коллегии Иностранных Дел чрезвычайных расходов и выданы.

XI.

Рапорт кизлярскому коменданту Штендеру ротмистра терского войска Павла Батырева. 8/V 1774 г. (л. 68).

В-м высок-дием посылан я был в Аксаевскую и Андреевскую деревню к тамошним владелцам с писмами. По отбытии отсюда, прибыв в Костек, при свидании владелец и капитан Хамза Алишев о задержанном г-не проф-ре сказал, что был он Хамза, андреевской владелец Темир Хамзин, казачышевской Тисис Бамат и женгутейской Али-солтан во одном собрании в деревне Качкалык, где Тисис требовал от Темира и от Хамзы в помощь людей против тарковскаго шемхала, а естли на оное согласятся, и професор будет освобожден. Однако они, по несогласию на то, разъехались. О протчих же кумыках сказал, по нынешним обстоятелствам, и что эхо носится, будто совокупными силами от крымцов с кабардинцами Моздок атакован. Надежды на них мало, чтобы к здешней стороне были доброжелателны. А более велел об обстоятелствах сих спросить андреевскаго Темира Хамзина, с чем я от него отправясь, прибыл к Темиру. Письмо ваше вручил; он его прочетши, объявил о том-же бывшем съезде, при коем де будучи, Тисис Бамат требовал от него и от Хамзы уверения, чтоб в случаи востребования дано было от них ему и Уцмию, кой желает зделать вообще нападение на шемхала, потребное число войска, по чему, естли уверит, то професор нимало медля воспустится. Но они на сие не согласясь, разъехались, ибо де он ему и прежде помогал, где убит ево сын, а теперь по нынешним обстоятелствам, как слышно, крымцы, кабардинцы, чеченцы и другие им союзные горцы, согласясь, намеряются нападать на здешние места, а как-бы им от них не быть разореными, и надобно людем, по опасности сей, находится

в домех; сверх-же и без воли России онаго учинить не может, почему более и предает на рассмотрение в-го выс-дия. От него вышед, был у своего знакомца, которой мне сказывал, назад тому с две недели приезжал в Андреевскую деревню чеченской бекей Аджи, привозя с собой от кабардинских владелцов писмо, присланное на имя ево, с подзывом во общее противу России злодейство, объявляя несколким людям, сказывал притом, кабардинцами де Моздок атакован, и все чеченцы, ожидая болшего прибытия их войск, состоят к нападению в готовности, будут ли и они на то согласны. Однако андреевцы отказались, с чем он и возвратился. Он же сказывал, Темир послал от себя нарочнаго для призыва из живущих в горах согласных с андреевцами народов, называемых салатовцов, лутчих людей, для какого совета, неизвестно. Послее, к лутчему сего испытанию, был я у Темира, о сем кратко объявя, его спрашивал, на что он ответствовал, бекей де Аджи был у него Темира и сказывал будто приехал для своего дела; а от людей своих слышел Темир то ж, что и знакомец мой мне пересказывал. Однако Темир уверял, андреевцы на такое предложение не согласятся. Что ж следует салатовцов, они призываются для некотораго между аксайцами и с Айдемиром Баматовым в спорах разобрания, которые в каждой раз к сим разбирателствам призываются; а о вредных обстоятелствах, естли б оказались, обещался всегда доносить в-му в-дию; дав мне два письма, от себя отпустил. О бывшем же разговоре у Темира с Тесизом и посторонним образом слышел, что он точно происходил, как Темир сказывал. Потом, прибыв в Аксаевскую деревню, писмо ваше первее вручил владелцу Элдархану Салтамамутову. Он, по прочтению, выговорил, пред сим всеми аксайскими владелцами призываны были, по писмам в-го в-дия, показуемые горячевцом, здесь содержащимся, Мисирбием участные в воровстве лошадей из под Калиновой станицы горячевцы. Но они в том запираются, а потому требуют его Мисирбия к себе в присылку для изобличения показуемых им воров, обязуясь, естли изобличит их, то лошадей без отговорок ими взятых отдать, зачем бы и прислать с ним горячевцом отсюда нарочнаго. А когда будет невероятно, обещаются прислать вместо ево другаго, на что и требует от вас уведомления. Причем, написав писмо, послал со мною своего узденя ко всем владелцам, которые все то же, что и Элдар, сказали и к тому писму печати свои приложили. Ево я получа в свои руки, был еще у Элдархана, спрашивал о кабардинских обращениях.

Он призвал владелца Адиля узденя Джабая Анзаурова, которой прибыл из Кабарды назад тому с три дни, а сей сказывал, что кабардинцы с молодыми владелческими детми, пред сим собрався человек сот до пяти, поехали прямо к Моздоку для отгона скота или что удастся, а он по отъезде их третей день будучи начлегом на дороге, слышел пушечные выстрелы в Моздоке и что происходило, не знает; толко де кабардинцы ожидают прибытия крымских войск с артиллериею, зачем и далнаго нападения чинить не осмеливаются, да и чеченцы в том-же намерении состоят. Кабардинцы все теперь, по опасности от России, внутри гор хлеба сеют.

Будучи в дороге, имел ночлег в аксаевском Казановом ауле. В ту самую ночь, приехав, один из близь к Терку кочующих аулов татарин, объявляя всем, чтобы кочевали далее в лес, ибо де казаки приехав, в их хутора, скот отбивая, стреляют, а почему, незнает. Однако я их удержал, уговоря как они невинны, им ничего не сделается, с чем они и остались. Об опасной заразителной болезни, чтобы где была, известия нет, а везде обстоит благополучно.

XII.

Письма к кизлярскому коменданту Штендеру от андреевского владельца Темира Хамзина и костековского—капитана Хамзы Алишева. Май; без числа (л. 70).

1. Чрез сие в-му высокородию объявляю, что о задержанном вашем человеке Уцмием с Тишис Баматом я неоднократно говорил, которой обще с женгутейским владелцом Али Солтаном напоследок мне ответствовал, что они професора могут выручать от Уцмия, естли я буду им с своею силою помогать против их неприятеля тарковскаго шемхала, и в том требуют от меня обязательство. И по такому ево ответу от него я отстал и ответствовал ему, что я прежде сего по ево сродству с шемхалом сделался злодеем и воевал, где убили моего сына, отогнали лошадиной табун, также побили несколко наших людей и захватили товар; тогда я старался для ево братства, а не кем чрез захват баранту принуждаем не был. А ныне чрез баранту принуждает к себе на помочь, чего мне сделать совсем невозможно; и с шемхалом возобновить злодейство не в состоянии, потому что чрез то проезжающим подвластным нашим сделаетца не малая остановка. С таким ответом от Тишиз Бамата и отстал.

2. Ваше высокородие чрез сие уведомляю, что Тишсис Бамат, женгутейской Али Салтан с нами вместе разговаривали. Оне объявляют, что естли как андреевцы и костековцы к ним с силою будут помоществовать, тогда они могут професора выбросить от Уцмия. На что мы ответствовали им, когда они наперед выручат ево, а потом мы против неприятеля их им вспомоществовать будем. Ежели они российских людей не выручат, то вовсе с ними братство иметь не будем. Которые, обнадеживая нас в том, и поехали. Теперь мы ожидаем от них на то ответа.

XIII.

Рапорт кизлярскому коменданту Штендеру ротмистра терского войска Павла Батырева. 15/V 1774 г. (л. 71).

От в-его высокоб-дия посылан я был в писмами к андреевскому и костековскому владелцам. Отсюда отправясь, прибыв в Андреевскую деревню, пришел к владелцу Темиру Хамзину, застал тут владелцов костековскаго Хамзу Алишева, аксаевских Элдархана Салтамамутова, Алхаса Капланова, Бамат Расланбекова, горских чиркеевских и салатовских, а еще, им подвластных горских народов старшин и кадыев, коих было человек до ста, которых собрание было и советывали для прекращения происходившаго ими воровства. При чем положили с воров взыскивать штрафы, за неспособное по дороговизне хлеба и противное их закону признали высиживание вина, тут же оное запретили и разломали у всех кубы. Во время сего собрания приехали два андреевских и один аксаевской подвластные татара, бывшие в войске аварскаго хана, сказывали, что аварскаго хана собранное войско, по неудовольствию от него отошед, пристали к кубинскому и дербенскому Фетх-Али-хану, а он, со всеми пришед к Шемахе, атаковав, ею овладел. А аварской принел покорность, Фетх-Али-хана призвав в свою полатку; сделали между собою согласие, чтоб быть в братецком дружелюбии. Но как толко от него Фетх-Али-хан вышел, велел из войска людем, обрезав у полатки веровки, тут хана убить, что учинено, и он убит. Фетх-Али-хан остался в Шемахе. Сие выслушав, все, как уже свое дело окончили, разъехались по своим местам, а я владелцам Темиру и Хамзе писмы подал, по коим они ответствовали. Хамза обещался по приезде в свой дом, убрався, сюда вскоре прибыть, для чего я с ним и казака отправил. А Темир, хотя де он не-

сколко и нездоров, однако, но как теперь обстоятелствы настоят вредные для здешней стороны, дабы не было и нашего сумнения, ехать не отзывается. Я ж, саглашая на сие ево, что по верности к России доброжелатства он призывается, поощрил, почему сюда он и приехал. Аксаевской Элдархан мне сказывал, их де аулной татарин, возвратившейся с Кубани, бывшей там для своей нужды, ему объявил, что крымские войски, которых весма многа при Калге солтане, находятся по реке Барсуклы, в урочище Абазагой; будто к нему прислано из Табана и двенатцеть пушек. Отгуда ж находящейся хан пишет к Калге, что он не в повеленное ему место следует, а надлежит итьти в Крым и выгнать российские войски, и чтобы находящейся тут с Калгаю турецкой хан возвратился. Элдар мне велел еще донесть: теперь третей тому день, владелец Адиль с своими узденями поехал в Кабарду, для чего, незнает, представляя при том, что он к России не верен. Андреевской владелец Муртузали Аджи сказывал, по бытности ево в Чечнях, видел собравшихся партиею чеченцов, человеках стах в шести, сказывая, что едут в Малую Кабарду на злодейство однако примечателно де в российские границы; и слышел подлинно, было хотели напасть на Макенской фортпост, где спросившаго их, что куда едут, товлинскаго владелца Хаспулата Алибекова, в чаянии, яко России даст о них знать, били, разбив ему голову, отнели ружье и лошадь.

XIV.

Присяга андреевского и костековского владельцев Темира Хамзина и Хамзы Алишева. 17/V 1774 г. (л. 72).

Мы, нижеподписавшиеся андреевской и костековской владелцы, Темир Хамзин и Хамза Алишев, в присутствии г-на генерал-порутчика и ковалера Демедема, кизлярскаго коменданта и ковалера ж Штендера, пример-майора Фромголта и секунд-майора ж князя Черкасскаго, пред всемогущим Богом и пред кураном кленемся в том, что мы должны задерженного хайдацким владелцом Уцми Амир Амзою следующаго из Персии росискаго человека и с имеющеюся при нем камандою, чрез посредство женгутейскаго и казанышевскаго владелцов Тисис Бамата, к которому мы имеем сами в дом немедленно следовать, и Али Салтана, как мы с ними в одной присяге находимся, выручить, и в Кизляр без всякой опасности доставить. А естли они на

сие не согласятся, то мы тае обязателную между собою с ними присягу нарушаем и никогда оною себя не обязывать, и с ними не сообщатся, а отстать должны, а сообщится к их неприятелем имеем, и будем противу их действовать оружием. А естли мы сие пренебрежем, то подвергаем себя амафиме, и да свержет нас Бог во ад к диаволу, а сверх того подвергаем и высочайшему Е. И. В. всероссийской государыни себя гневу и всеконечному разорению. Во уверение чего целуем куран и прилагаем печати.

—

